

Особый порядок судебного разбирательства уголовного дела: форма доказывания или форма без доказывания?

*Сергей Борисович Россинский**

Среди всего множества злободневных проблем, свойственных современным реалиям существования и развития российского уголовного судопроизводства, весьма актуальными на протяжении последних лет являются проблемы теории, нормативного регулирования и практики предусмотренного гл. 40 УПК РФ особого порядка принятия судебного решения (постановления обвинительного приговора), обусловленного согласием обвиняемого с выдвинутой в отношении него уголовно-правовой претензией, т.е. с предъявленным ему обвинением. Данная форма судебного разбирательства уголовного дела вызывает у ученых, государственных и общественных деятелей, представителей судейского сообщества, прокуратуры, адвокатуры и других специалистов весьма неоднозначные оценки, являясь предметом оживленных споров и дискуссий, что, в свою очередь, приводит к осторожности, нерешительности законодателя и предопределяет непоследовательность правотворческой политики (иногда явные правовые метания) в данном сегменте уголовно-процессуального регулирования. Достаточно вспомнить, что за неполные 20 лет практической реализации положений гл. 40 УПК РФ законодатель уже дважды пересматривал предельно допустимую тяжесть преступных деяний, могущих стать предметом судебного разбирательства, проводимого в особом порядке: изначальная редакция ч. 1 ст. 314 УПК РФ предусматривала возможность постановления приговора в особом порядке лишь по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести; в 2003 г. сфера применения особого порядка была расширена за счет уголовных дел о тяжких

преступлениях¹; а в 2020 г. законодатель, посчитав целесообразным вновь ограничить сферу его применения только преступлениями небольшой или средней тяжести².

И в этом нет ничего странного! Ведь особый порядок постановления приговора при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением – один из наиболее противоречивых и рискованных механизмов реализации судебной власти.

Так, с одной стороны, упрощенный алгоритм принятия судебного решения в особом порядке, который не обременен целым рядом правовых гарантий и обусловленных ими достаточно сложных и «тяжелых» юридических требований, свойственных для «классической» процедуры рассмотрения и разрешения по существу уголовного дела судом первой инстанции, приводит к дополнительной процессуальной экономии, позволяет оптимизировать организацию судебной деятельности, снизить возлагаемую на прокуроров, адвокатов, судей и сотрудников их аппаратов нагрузку, сократить соответствующие расходы федерального бюджета (в части уголовных дел, подсудных мировым судьям, – также бюджетов субъектов РФ). Поэтому законодатель не просто регламентирует особый порядок постановления приговора, но и посредством сокращения максимального размера уголовного наказания, предусмотренного за совершение инкриминируемого лицу преступного деяния, а также освобождения подсудимого от потенциального бремени возмещения процессуальных из-

* Доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук.

¹ См.: Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706.

² См.: Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 3. Ст. 4750.

держек стимулирует его использование в судебной практике, фактически превращая этот механизм в некую (к слову, нередко взаимовыгодную) процессуальную «индულгенцию».

Вместе с тем, с другой стороны, такой порядок рассмотрения уголовного дела в силу закона предопределяется исключительно диспозитивным волеизъявлением обвиняемого, ограниченным лишь правом защитника отговорить своего доверителя от подобной «затеи». Кроме того, он характеризуется известной степенью дискреционности полномочий прокурора и суда, а также свободой поведения потерпевшего (частного обвинителя) и его законного представителя, т.е. лиц, имеющих возможность оказывать определенное влияние на выбор данной формы реализации судебной власти и принимаемое судом решение. Поэтому для практического применения положений, предусмотренных гл. 40 УПК РФ, требуется особый правовой климат, близкая к совершенству правовая аура, предполагающая высокую образованность и правовую культуру населения, в первую очередь лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, а также надлежащий уровень профессионализма, правосознания, правопонимания и ответственности представителей судебного корпуса, прокуратуры, членов адвокатского сообщества и т.д.

Однако реалии современной правоприменительной практики еще очень далеки от подобного совершенства, а участники уголовного судопроизводства, как правило, не обладают многими из указанных позитивных качеств, что нередко приводит к извращению смысла закона, к судебному формализму в самом негативном понимании этого феномена, обуславливает многочисленные злоупотребления процессуальными полномочиями и правомочиями. В результате особый порядок постановления приговора превращается в профанацию, в «машинку для штамповки приговоров», а подсудимый из субъекта уголовного судопроизводства – в объект обвинения, лишенный большинства возможностей, необходимых для полноценного участия в судебном разбирательстве, в том числе для защиты от уголовного преследования и надлежащего доступа к правосудию.

Весьма примечательно, что указанные проблемы возникают еще в ходе предварительного расследования, в частности, во время предъявления лицу обвинения или его ознакомления с материалами уголовного дела, когда следователи (при производстве расследования в форме дознания –

дознаватели), пользуясь абсолютно равнодушным отношением к делу безответственных защитников, не разъясняют право (как это определено в п. 2 ч. 5 ст. 117 УПК РФ), а навязчиво советуют или даже настоятельно рекомендуют заявить ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства³. Причем «жертвами» подобного поведения ввиду понятных причин как раз становятся наиболее нуждающиеся в надлежащей процессуальной «опеке» со стороны органов предварительного расследования и квалифицированной юридической помощи представители так называемой бедной преступности – необразованные, находящиеся на низших ступенях социальной лестницы субъекты, которые, не понимая смысл происходящего, зачастую склонны полностью доверять должностным лицам государства и адвокатам. Кстати, видимо, по этой причине Пленум Верховного Суда РФ в свое время совершенно разумно истолковал совокупность ряда положений УПК РФ как запрещающую применение особого порядка в отношении несовершеннолетних обвиняемых, т.е. лиц, обладающих наименьшим уровнем образованности, правовой культуры и жизненного опыта⁴.

Однако наиболее заметно указанные проблемы ощущаются именно в судебном заседании,

³ В этой связи вспоминается случай из прежней педагогической практики автора настоящей статьи, когда он, работая в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), проводил занятия по повышению квалификации сотрудников ряда территориальных подразделений Следственного комитета РФ. Программой повышения квалификации предусматривалась деловая игра «Предъявление обвинения и допрос обвиняемого». Обучающимся предлагалось поделиться на малые группы по три человека и сыграть роли следователя, обвиняемого и защитника, чтобы отшлифовать практические навыки проведения данных процедур, выявить и разобрать допускаемые ошибки. В ходе проведения деловой игры было установлено, что более чем в половине малых групп лица, игравшие роль следователя, после предусмотренного ч. 2 ст. 173 УПК РФ вопроса о признании обвиняемым своей вины советовали ему в дальнейшем заявить ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке, а лица, игравшие роль защитника, – лишь пассивно наблюдали за происходящим. При последующем разборе данной ошибки многие обучающиеся указывали, что давали подобный совет, играя роль следователя, или не реагировали на него, играя роль защитника, поскольку, работая в органах предварительного следствия, уже давно привыкли к подобной практике, воспринимают ее как само собой разумеющуюся и никогда не задумывались о ее неправомерности.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

где практически каждый из «функциональных» участников уголовного судопроизводства имеет прямую или, по крайней мере, косвенную заинтересованность в постановлении обвинительного приговора в особом порядке, что приводит к еще большему формализму и злоупотреблениям процессуальными полномочиями (правомочиями). Так, недобросовестный судья воспринимает право на постановление приговора в особом порядке не как дискреционное полномочие, подлежащее использованию лишь в случае убежденности в подлинном признании подсудимым своей вины и в достаточности доказательств, изобличающих его в совершении инкриминируемого преступления, а как возможность схалтурить, уклониться от выполнения обременительных обязанностей, свойственных общему порядку судебного разбирательства, в том числе от изнурительной работы по написанию текста приговора. Тем более, что постановленные в особом порядке приговоры, проекты которых в силу простоты и шаблонности вообще зачастую готовят помощники судей или студенты-практиканты, как известно, имеют гораздо меньше шансов быть отмененными в вышестоящих инстанциях, чем оказать негативное влияние на дальнейшую карьеру данного судьи. Недобросовестный прокурор (государственный обвинитель), в свою очередь, тоже воспринимает особый порядок как не требующий больших трудо-временных затрат и не портящий служебные показатели заранее «выигранный процесс». Участвующий в уголовном деле по назначению недобросовестный адвокат-защитник нередко относится к особому порядку лишь как к возможности получить из федерального бюджета гарантированное вознаграждение за время, «отбытое» в судебном заседании. А потерпевшие (их законные представители) ввиду все той же необразованности, правового бескультурья и ряда других известных причин вообще достаточно редко проявляют какую-либо активность в реализации своих прав на доступ к правосудию, особенно в случаях, не предполагающих причинение им ощутимого вреда, а стремятся как можно быстрее «отвязаться» от изнурительного (в их понимании) бремени участия в уголовном процессе и поскорее покинуть зал судебного заседания.

Ввиду указанных противоречий особый порядок постановления обвинительного приговора вызывает у государственных и общественных деятелей, ученых, представителей судейского сообщества, прокуратуры, адвокатуры и других специалистов

весьма неоднозначные оценки и постоянно подвергается беспощадной критике. Причем наиболее серьезным критическим замечаниям, как правило, подвергается вовсе не сложившаяся правоприменительная практика, обусловленная вышеупомянутыми социальными пороками (низким уровнем профессионализма, правосознания, безответственности и др.), которыми в настоящее время заражены многие представители юридического сословия. В качестве объекта подобных негативных оценок гораздо чаще выбираются «необычные» правила судебного доказывания обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, которые исключают возможности сторон полноценно участвовать в непосредственном исследовании и проверке доказательств в ходе судебного следствия и доводить до суда свои позиции в ходе судебных прений⁵. А в отдельных публикациях допускаются и более резкие тезисы – отмечается, что предусмотренный гл. 40 УПК РФ особый порядок постановления приговора вовсе не подразумевает судебное доказывание и, следовательно, в принципе, не может расцениваться ни как способ осуществления правосудия, ни как форма уголовно-процессуальной деятельности⁶.

Конечно, подобные суждения представляются достаточно сомнительными, а некоторые из них – вообще не выдерживающими никакой критики. По всей вероятности, такие позиции в определенной степени предопределены предвзятостью отдельных авторов, как правило, практикующих юристов (судей, прокуроров, а чаще всего адвокатов), боящихся смотреть правде в глаза, не желающих публично признавать системные недостатки в своей работе или в работе своих коллег и поэтому стремящихся связать все проблемы особого порядка судебного разбирательства лишь с несовершенством процессуальной формы и непродуманностью закона. Представляется, что перекладывать ответственность за непрофессионально выполняемые обязанности на законодателя или ученых-процессуалистов, в

⁵ См., например: *Петрухин И.Л.* Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства // *Государство и право*. 2002. № 5. С. 21; *Пилюк А.В.* Совершенствование института особого порядка принятия судебного решения при согласии лица с предъявленным обвинением // *Уголовная юстиция*. 2013. № 1. С. 47; *Михайловская И.Б.* Стандарты качества предварительного следствия задает суд // *Расследование преступлений*. Проблемы и пути их разрешения. Вып. 3. М., 2014. С. 266 и др.

⁶ См.: *Брестер А.А.* Об ошибочном отнесении особого порядка принятия судебного решения в уголовно-процессуальной деятельности // *Актуальные проблемы российского права*. 2015. № 12 (61). С. 141–142.

свое время разработавших доктринальную основу для данной формы реализации судебной власти, – это все равно, что обвинять Евклида или И. Ньютона в криво установленном дачном заборе либо Д.И. Менделеева – в утечке бытового газа. Тем более, что положения российского законодательства содержат достаточное количество правовых рычагов, позволяющих подобным скептикам в своей собственной практической деятельности при необходимости избегать использования положений гл. 40 УПК РФ. Например, судья по собственной инициативе вправе прекратить особый порядок постановления приговора и назначить рассмотрение уголовного дела в общем порядке (ч. 6 ст. 316 УПК РФ); адвокат-защитник, осознавая самооговорный характер признания обвиняемым своей вины, имеет возможность не согласиться с такой позицией и высказать свои возражения в соответствующем ходатайстве (п. 3 ч. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре⁷) и т.д.

Однако основная причина появления такой точки зрения все же видится несколько в ином. Она связана с непониманием, по крайней мере, с недопониманием подлинной сущности уголовно-процессуального доказывания как многоаспектного феномена, представляющего собой регламентированный нормами уголовно-процессуального законодательства и методологически основанный на законах гносеологии и формальной логики сложный комплекс познавательных, удостоверительных и аргументационных приемов, осуществляемых органами предварительного расследования, прокурором, судом, а также подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим и другими участниками уголовного судопроизводства в целях установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела и принятия соответствующих правоприменительных решений⁸. В публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно отмечалось, что особому порядку постановления приговора на самом деле присущи все элементы процесса доказывания, но в специфических, несколько усеченных формах, не предполагающих свойственных для «классического» алгоритма рассмотрения уголовного дела в первой инстанции технологий

работы с доказательственным материалом⁹. Положения гл. 40 УПК РФ вовсе не освобождают суд от вытекающего из смысла закона бремени надлежащего исследования, проверки и оценки всех имеющихся в материалах уголовного дела доказательств (как изобличающих подсудимого в совершении инкриминируемого ему преступления, так и, напротив, свидетельствующих в его пользу), а также от аргументации выводов, лежащих в основу соответствующего правоприменительного акта. Более того, возможность постановления обвинительного приговора в особом порядке законодатель ставит в прямую зависимость от уверенности судьи в обоснованности признанного подсудимым обвинения, в подтверждении этого обвинения собранными в ходе досудебного производства доказательствами (ч. 7 ст. 316 УПК РФ). А в противном случае, как уже отмечалось выше, судье надлежит по собственной инициативе вынести постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначить рассмотрение уголовного дела в общем порядке (ч. 6 ст. 316 УПК РФ). Следовательно, принимая окончательное правоприменительное решение в особом порядке, судья обязан не просто изучить собранные в ходе досудебного производства доказательства, а самостоятельно, без содействия сторон прийти к убеждению в правомерности внесенной на рассмотрение в суд уголовно-правовой претензии, исключив как обвинительный, так и оправдательный уклон¹⁰. Другими словами, особый порядок постановления приговора включает и познавательные приемы (ознакомление с материалами уголовного дела¹¹), и аргументационно-логические операции, но осуществляемые судьей как бы «внутренне», «про себя», без «помощи» иных субъектов уголовно-процессуальной деятельности и необходимости письменного обоснования своей позиции.

⁹ См.: *Россинский С.Б.* Особый порядок судебного разбирательства как форма доказывания обстоятельств уголовного дела: возражения оппонентам // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2016. № 4. С. 45-46; *Россинский С.Б.* Доказывание по уголовному делу: познание или обоснование? // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2020. № 5. С. 85-86 и др.

¹⁰ См.: *Роговая С.А.* Проблемы оценки доказательств и принятия решений при особом порядке уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 122.

¹¹ См.: *Дорошков В.В.* Особый порядок судебного разбирательства // *Уголовное судопроизводство.* 2010. № 3. С. 24; *Качалова О.В.* Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе. М., 2015. С. 158.

⁷ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // *СЗ РФ.* 2002. № 23. Ст. 2102.

⁸ См.: *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021. С. 72.

Таким образом, особый порядок постановления приговора вовсе не исключает надлежащее познание и доказывание обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, а всего лишь характеризуется несколько иными, как бы усеченными механизмами работы с материалами уголовного дела. Он не предполагает полноценное участие сторон в непосредственном исследовании и проверке доказательств в ходе судебного следствия, а также изложение ими своих позиций посредством выступлений в судебных прениях, то есть подразумевает некоторое ограничение сферы действия принципа состязательности и права заинтересованных лиц на доступ к правосудию. Именно эти риски (по смыслу закона – вполне осознанно) и принимает на себя обвиняемый, заявляя по согласованию со своим защитником ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке, а взамен получает процессуальную «индულгенцию», выраженную в гарантированном сокращении максимального размера уголовного наказания (ч. 5 ст. 62 УК РФ, ч. 7 ст. 316 УПК РФ) и освобождении от обязанности возместить процессуальные издержки (ч. 10 ст. 316 УПК РФ). Схожие риски принимает на себя и потерпевший, не возражая против постановления приговора в особом порядке и тем самым фактически отказываясь от участия в уголовном преследовании и возможности доведения до суда своей позиции о виде и размере назначаемого подсудимому наказания.

Кстати, негативные оценки определенной ущербности особого порядка рассмотрения уголовного дела в части ограничения непосредственности исследования доказательств вообще представляются сильно завышенными, в очередной раз обусловленными поверхностным пониманием некоторыми авторами сущности и механизмов судебного познания, в первую очередь сведений, вытекающих из представленных в суд материалов досудебного производства (протоколов следственных действий и экспертных заключений), а также из материалов оперативно-розыскной и иной непроцессуальной деятельности правоохранительных органов. Ведь свойственное для общего порядка рассмотрения уголовного дела «классическое» судебное познание тоже не предполагает абсолютной непосредственности исследования судом и сторонами сведений, лежащих в основу приговора или иного правоприменительного решения, а тезис, вытекающий из названия ст. 240 УПК РФ (непосредственность и устность судебного разби-

рательства), имеет достаточно условный характер. Так, в силу ряда объективных причин, подробно проанализированных автором настоящей статьи в прежних публикациях (невоспроизводимости ряда фрагментов объективной реальности, predisposedности некоторых материальных либо идеальных следов к утрате или изменению и т.д.)¹², суд и стороны лишены возможности собственного (непосредственного) восприятия множества полезных сведений, имеющих значение для уголовного дела. Указанные сведения устанавливаются ранее – в ходе оперативно-розыскной (иной непроцессуальной) деятельности или досудебного производства, фиксируются посредством письменной речи и использования технических средств, что в определенном смысле позволяет обеспечить их сохранность для последующего изучения в судебном заседании. Поэтому и для самого суда, и для иных участвующих в рассмотрении уголовного дела лиц (государственного обвинителя, подсудимого, защитника, потерпевшего и пр.) следственные протоколы, заключения эксперта, материалы оперативно-розыскной либо иной непроцессуальной деятельности правоохранительных органов и тому подобные материалы всегда будут являться лишь объектами опосредованного процессуального познания, характеризоваться известной степенью производности, считаться полученными «из вторых рук» и предполагать некоторую гносеологическую неполноценность по сравнению с объектами непосредственного судебного познания, например, с осмотренным судом вещественным доказательством, с показаниями допрошенного в судебном заседании свидетеля и т.д.¹³

Таким образом, особый порядок постановления приговора никоим образом не противоречит современным правлениям о формах и методах реализации судебной власти, а является специфическим

¹² См.: *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. С. 225, 274.

¹³ Весьма примечательно, что о производном характере следственных протоколов для последующего судебного заседания еще в 1949 г. писал известный советский ученый-процессуалист В.Я. Лившиц. Он отмечал, что между предметом осмотра, обыска, освидетельствования, следственного эксперимента и содержанием протокола находится еще одно посредствующее звено – личность следователя, его восприятие, память, умение правильно воспроизвести увиденное (см.: *Лившиц В.Я.* Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. М.–Л., 1949. С. 118). Эти же идеи выражаются и в публикациях некоторых других авторов (см.: *Кудин Ф.М.* Избранные труды. Волгоград, 2010. С. 281, 283).

(упрощенным) механизмом рассмотрения по существу уголовного дела, обусловленным «неклассическими» (как бы усеченными) правилами судебного доказывания, не предполагающими участие сторон в непосредственном исследовании и проверке доказательств в ходе судебного следствия, а также изложение ими своих позиций посредством выступлений в судебных прениях, т.е. несколько ограничивающими действие принципа состязательности и право заинтересованных лиц на доступ к правосудию. Поэтому, несмотря на существующие противоречия и системные недостатки правоприменительной практики, эта форма производства в суде первой инстанции представляется абсолютно разумной, жизнеспособной и полностью оправдавшей замыслы законодателя, некогда включившего ее в сферу уголовно-процессуального регулирования. Вместе с тем продуктивность дальнейшей практики рассмотрения уголовных дел в особом порядке будет напрямую зависеть от повышения образованности и правовой культуры населения, а также от кадровой политики государства в отношении сотрудников органов дознания, предварительного расследования, судей, прокуроров, адвокатов, в частности, от повышения уровня их профессионализма, правосознания, правопонимания и ответственности и других качеств, столь необходимых для предварительного расследования или судебного разбирательства уголовных дел либо оказания квалифицированной юридической помощи.

Библиографический список

1. *Брестер А.А.* Об ошибочном отнесении особого порядка принятия судебного решения в уголовно-процессуальной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61).
2. *Дорошков В.В.* Особый порядок судебного разбирательства // Уголовное судопроизводство. 2010. № 3.
3. *Качалова О.В.* Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2015.
4. *Михайловская И.Б.* Стандарты качества предварительного следствия задает суд // Расследование преступлений. Проблемы и пути их разрешения. Вып. 3. М.: Академия Следственного комитета РФ, 2014.
5. *Петрухин И.Л.* Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства // Государство и право. 2002. № 5.
6. *Лиюк А.В.* Совершенствование института особого порядка принятия судебного решения при согласии лица с предъявленным обвинением // Уголовная юстиция. 2013. № 1.
7. *Роговая С.А.* Проблемы оценки доказательств и принятия решений при особом порядке уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет имени Н.И. Лобачевского, 2006.
8. *Россинский С.Б.* Особый порядок судебного разбирательства как форма доказывания обстоятельств уголовного дела: возражения оппонентам // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4.
9. *Россинский С.Б.* Доказывание по уголовному делу: познание или обоснование? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 5.
10. *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М.: Норма, 2021.
11. *Лившиц В.Я.* Принцип непосредственности в советском уголовном процессе / отв. ред. М.С. Строгович. М.-Л.: АН СССР, 1949.
12. *Кудин Ф.М.* Избранные труды. Волгоград: Волгоградский госуниверситет, 2010.